

Сталин

в Куйбышеве

Осенью 1941 года в Куйбышеве было подготовлено жильё и для отца. Ждали, что он сюда приедет. Отремонтировали несколько дач на берегу Волги, выстроили под землёй колоссальные бомбоубежища.

С. Аллилуева

Информация к размышлению...

текст Алексей Богачёв, доктор исторических наук,
декан факультета гуманитарного образования СамГТУ

Сведения, носителем которых я с некоторых пор стал, пришли ко мне совершенно случайно. Всё дело в том, что в конце 1990-х годов я нередко ходил стричь моего сына-школьника Александра к соседке по подъезду – пожилой женщине, пенсионерке, парикмахеру с многолетним стажем Ольге Васильевне ТЕНДЛЕР (до замужества – СЛЕСАРЕВА) – и стригся у неё сам. В те кризисные годы (инфляция, безработица, дефолты и прочее) мы были далеко не единственными жильцами дома №188 по ул. Ташкентской, которые с благодарностью пользовались профессиональными и недорогими услугами этого замечательного мастера «на дому».

Вечером 2 марта 1998 года, спускаясь с сыном на первый этаж в квартиру Ольги Васильевны, я, как обычно, был готов поддержать разговор на любую удобную хозяйке тему. Разговор о СТАЛИНЕ завязался после сетования Ольги Васильевны на низкую пенсию и с отчаяния брошенной фразы: «А я ведь Сталина стригла!». К восприятию ошеломляющей информации о том, что в годы войны Ольга Васильевна, в Самаре, по распоряжению своего начальника несколько раз стригла Сталина, я готов не был, а потому вопросы, которые я задавал ей по ходу нашей беседы (см. ниже), получились, мягко говоря, импровизационными. Вернувшись домой, я немедленно записал весь наш диалог.

Осознав, какая сенсационная информация волею Провидения оказалась в моих руках, я тем не менее не предпринял ничего, чтобы немедленно сделать её достоянием общественности. И прежде всего потому, что для Ольги Васильевны, как я понял из отдельных фраз, прозвучавших в нашей беседе («Я ведь подписку давала о неразглашении»), это было нежелательно. Более того, когда через какое-то время я в очередной раз привёл сына на процедуру стрижки, Ольга Васильевна сказала мне, что дочери отругали её за излишнюю болтливость. Вот так эта тема естественным образом ушла в тень. Через какое-то время я узнал о том, что Ольги Васильевны не стало. Однако череда событий, происходивших в моей личной жизни и профессиональной карьере, ещё долго не позволяла предать огласке эту информацию. Но вот, видимо, время пришло.

Ниже привожу наш разговор, который воспроизведён так, как он был мной записан 2 марта 1998 года (поправлена лишь пунктуация).

02.03.1998 год. 18.30

Только что вернулся от старушки с 1 этажа. Последний год стригусь у неё, но нечасто. Ольга Васильевна Слесарева (фамилия до замужества). Стаж работы 45 лет (на пенсию вышла в 1978 году). Разговор начался со стажа и пенсионной надбавки (у неё было 313, стало 315 руб.). Но вот если бы в госпитале (?) не затеряли документы (она там работала, стригла раненых), её стаж был бы на 5 лет больше. Не помню как, но она сказала, что во время войны стригла Сталина. Я сразу же предложил ей поделиться своими воспоминаниями перед камерой, но она отказалась, сославшись на высокое давление: «Я вот сейчас вспоминалась и чувствую, что давление поднимается». И тогда я попросил рассказать об этом поподробнее. Задавал наводящие вопросы.

– В каком году это было?

– Не помню... В 44-м, в 43-м, в 42-м... не помню. Я этот месяц без пенсии живу: куда-то положила и забывала. Спасибо, что дети, внуки помогают...

– А это было зимой?

– Да, зимой. Зашёл Зотов (или какой-то другой, так как её два человека – её начальники – туда отвезли. – А.Б.). Сказал, чтобы я собиралась. «Куда?» – «Там узнаешь, но об этом никому». Повезли к Дому промышленности. Ну, в район Струковского сада.

– К драмтеатру? К памятнику Чапаеву?

– Нет, это с той стороны Струковского сада, а это – с другой. У входа меня встретили два человека. С одним я поехала на лифте вниз.

– Долго ехали?

– Да, долго. Но воздух там был свежий.

– Когда стригли Сталина, разговаривали?

– Разговаривал он. Я только отвечала на вопросы. Журнал спрашивал: «Замужем? Когда выйдешь? Наверное, после войны? На свадьбу пригласишь?». Говорил немного. Как-то с трудом говорил. Но был доброжелателен.

У него был китель военный с нагрудными карманами, воротник-стоечка. Поэтому машинкой (ручной) волосы в нижней части затылка подстричь было трудно. Надо было изловчиться. Он помогал, наклонял голову. Усы ножницами стригла аккуратно – практически каждый волосок.

Потом дал бумажку (талон) и сказал, что шофёр отвезёт меня в магазин. В гастрономе на Куйбышевской я купила продукты, а в военторге – лыжи и коньки. Стригла его четыре раза, так что и отоваривалась четыре раза. Потом, когда Сталин уехал, отец (отец Ольги Васильевны. – А.Б.) говорил: «Сходила бы ещё отовариться». Но я не пошла, поскольку посчитала, что раз больше работы нет, то и отовариваться не следует.

– Вы его сколько раз стригли?

– Четыре.

– Раз в неделю?

– Нет. Раз в месяц.

– И когда в последний раз?

– Весной. В марте или апреле.

– Снег ещё лежал?

– Да, снег ещё лежал.

Зотов, по словам Ольги Васильевны, уже умер («Он бы помог восстановить 5 лет стажа»), была жива его жена. Но она переехала.

– А это точно был Сталин?

– Конечно (ответила очень уверенно, улыбнулась).

По её словам, тогда они (сослуживцы и она) были одеты в какую-то морскую форму.

– А сверху шуба?

– Пальто.

Разговор записан по памяти, через 10 минут после того, как он состоялся. Особенности речи не воспроизведены. Но смысл и детали воспроизведены максимально точно. Последовательность вопросов и ответов – приблизительно такая.

Был ли Сталин в Куйбышеве (Самаре)? Размышления беллетриста

текст Леонид Острцов, писатель, историк

Всё-таки бывал ли Сталин в годы Великой Отечественной войны в Самаре? Информация о самарском парикмахере вождя, изложенная доктором исторических наук Алексеем БОГАЧЁВЫМ, не может не наводить на соответствующие размышления. Тем более что я сам был одним из первых людей, кому Алексей Владимирович пересказал свою беседу с Ольгой Васильевной Слесаревой. Это произошло буквально на следующий день после того, как их беседа состоялась. Впоследствии я (вместе с Богачёвым) тоже встречался с этой женщиной, хотя и мельком. Она производила впечатление очень скромной, вежливой, простой советской пенсионерки, по виду которой невозможно было предположить, что она способна дать волю своей фантазии.

Слесарева О.В.
в возрасте 17 лет.
1940

Ольга Васильевна
(Слесарева)
с супругом
Владимиром
Борисовичем
Тендлером.
2 февраля 1976

Что касается самого Алексея Богачёва, известного в стране археолога, научные интересы которого отстают от периода Второй мировой войны как минимум на десять веков, то заподозрить его в инициации дешёвой сенсации просто немыслимо. Соответственно, по моему мнению, беспечно отмахнуться от изложенного им уникального материала неразумно...

Если задать себе вопрос: мог ли Сталин тайно в годы войны посещать Самару? – ответ на него, на мой взгляд, будет однозначным: мог. Конечно, ненадолго и, несомненно, в силу крайней необходимости. Но мог! Причём причины его краткосрочного нахождения в Самаре могли быть самыми разными.

Первая причина – безопасность. Сталин мог

за плотно охраняемые стены Московского Кремля. Если мы откроем знаменитый журнал посещений Сталина за 1941, 1942 и 1943 годы, то увидим одну закономерность – Сталин принимал посетителей каждый день или почти каждый день. Перерывы в приёмах есть, но они незначительные, в среднем один-три дня. Однако иногда, хотя и достаточно редко, в глаза бросаются неожиданно длительные перерывы: в 1942 году есть перерывы с 25 по 30 октября, с 31 октября по 5 ноября, с 25 января по 4 февраля; в 1943 году – с 10 по 15 января, с 8 по 14 февраля, с 8 по 13 ноября, и есть даже большой перерыв с 18 ноября по 11 декабря! Например, моё внимание привлекло большое «окно» в приёмах: с 15 по 27 ноября 1941 года. Приёмов не

Бункер Сталина.
Вход и здание, под которым размещается бункер

Если задать себе вопрос: мог ли Сталин тайно в годы войны посещать Самару? – ответ на него... будет однозначным: мог. Конечно, ненадолго и, несомненно, в силу крайней необходимости.

быть в Самаре в самые опасные для страны дни, в период наступления немцев на Москву. Не только для профессионала-историка, но и для любого человека, поверхностно интересующегося этим периодом истории, очевидно: если бы Сталин выезжал из Москвы, то такая поездка должна была содержаться в исключительной тайне по отношению не только к сотрудникам и подчинённым, но и к его родственникам. Ведь вождь не доверял никому! Если бы Сталин выезжал из Москвы, то об этом никто никогда не должен был узнать, что было чревато падением веры советского народа в вожда и в победу. Кроме того, если бы об этом узнали немцы, то они наверняка могли воспользоваться данной информацией как для организации паники среди населения, так и в диверсионных целях, в частности в целях устранения советского вожда, который выехал

было одиннадцать дней! Пока я не нашёл свидетельств о том, что делал и где был в это время Сталин. Но если вспомнить военную датировку, то следует отметить, что именно в эти даты, а именно 15–16 ноября, возобновилось последнее массированное наступление немецких войск на Москву. Главные удары противник наносил на тульско-каширском и клинско-рогачёвском направлениях. В конце ноября противнику удалось овладеть районом Клин – Солнечногорск – Истра, выйти к каналу Москва – Волга и занять Красную Поляну, в 32 километрах от Московского Кремля. А именно 27 ноября начинаются первые явные успехи советских войск в обороне Москвы, когда они нанесли контрудар по 2-й танковой армии противника и отбросили её от Каширы. 2-я танковая армия попыталась обойти Тулу с северо-востока, но контрудар советских войск отбросил противника на исходные позиции! Можно ли предположить, что в эти самые опасные для Москвы дни, с 15 по 27 ноября, Государственный Комитет Обороны всё-таки отправляет вожда за пределы столицы? Ведь в решениях ГКО ещё от 15 октября в скобках было записано: «Сталин эвакуируется завтра или позднее, смотря по обстановке».

Есть ещё одна история, которая наводит на соответствующие размышления. Известен интересный факт: в связи с тем, что при съёмке парада 7 ноября на Красной площади по неудачному стечению обстоятельств осталось не снятым выступление вожда, потребовалась пересъёмка выступления Сталина. Не так давно были изданы дневники оператора Марка Антоновича ТРОЯНОВСКОГО «С веком наравне» («Росспэн», 2004), в которых есть рассказ от первого лица о том, как делали пересъёмку Сталина для документального кинофильма. Трояновский пишет:

«28 ноября 1941 г.

14 ноября руководство студии вторично вызвал ЩЕРБАКОВ. Он потребовал во что бы то ни стало смонтировать фильм с речью Сталина, снятой синхронно на звук. Надо!!! Как это сделать? Все по очереди отвечали одно и то же: просить Иосифа Виссарионовича ещё раз прочитать речь. Организовать съёмку. «Он вам что, актёр?! – крепко стукнув кулаком по столу, грозно рявкнул Щербаков. – Идите и думайте!». На следующий день, 15-го, телефонный звонок от Щербакова на студию: «Ну, что придумали?» – «Другого выхода нет», – повторил Канцельсон.

17 ноября получено разрешение на съёмку Сталина в Кремле... В нервном ожидании мы с Варламовым сутками на дежурстве. 27 ноября, наконец, состоялась съёмка...».

В глаза бросаются две даты, которые с разницей лишь в один день соотносятся с датами длинного «окна» в сталинских рабочих приёмах, – 14 ноября, когда прозвучало требование сделать перемонтаж без участия вожда, и 27 ноября, когда всё же состоялась съёмка. Судя по приведённым автором диалогам, изначально приглашение Сталина на пересъёмку даже не рассматривалось. Конечно, это можно объяснить большой загруженностью вожда в эти дни, но можно и высказать предположение, что Сталин просто не мог сниматься по причине его отсутствия в Москве. По той же причине операторы долго «в нервном ожидании» ждали начала съёмки. Но вождь снялся именно 27 ноября, в день, когда согласно журналу посещений как раз возобновляются его рабочие встречи в Кремле!

Мог ли, например, в эти дни Сталин болеть и не вести приёмов? Мог. А мог ли он тайно уезжать из Москвы в Самару? Тоже мог! Очевидно, что если Сталина и собирались эвакуировать из Москвы, то именно в Самару, где для него полным ходом строился секретный командный пункт и всё было подготовлено к его приезду. Этому есть многочисленные свидетельства, в первую очередь Светланы АЛЛИЛУЕВОЙ – дочери вожда, которая жила в это время в Самаре.

«...Осенью 1941 года в Куйбышеве было подготовлено жильё и для отца. Ждали, что он сюда приедет. Отремонтировали несколько дач на берегу Волги, выстроили под землёй колоссальные бомбоубежища. В городе для него отвели бывшее здание обкома, устроили там такие же пустынные комнаты со столами и диванами, какие были у него в Москве».

Правда, далее в своих воспоминаниях Аллилуева пишет, что несколько раз ездила к отцу в Москву. Можно ли из этого сделать вывод, что Сталин никогда не приезжал к ней в Самару? Возможно ли, что даже спустя много лет, живя в Америке, Аллилуева при написании этих воспоминаний намеренно опустила факты краткосрочных приездов Сталина в запасную столицу с одной лишь целью – не бросать лишней тени на память отца, чтобы в истории он оставался хотя бы человеком, который в минуты самой серьёзной опасности до последнего оставался на переднем рубеже в Москве? А возможно ли, что Сталин, если он бывал в Самаре, намеренно в целях секретности не встречался со своей дочерью? Думаю, возможно.

Сталин с дочерью Светланой Аллилуевой

Вторая причина, по которой вождь мог тайно покинуть Москву, – строительство в Самаре сверхсекретного бункера – правительственного командного пункта и одновременно убежища вожда, ныне именуемого «Бункером Сталина».

При изучении вопроса о возможном пребывании Сталина в Самаре нельзя обойти и целый ряд свидетельств, наводящих на соответствующие предположения. В газете «Труд» №162 от 2 сентября 2005 года Александр ПЕТРОВ опубликовал интервью с руководителем Самарского регионального правозащитного центра Владимиром ИНДИРЯКОВЫМ. Он много лет занимался сбором информации о судьбах репрессированных, среди которых были и строители так называемого бункера Сталина. По словам Индирякова, когда бункер Сталина был рассекречен и стал учебным центром ведомства гражданской обороны и музеем, его руководство сообщило ему о письме Николая ИВАНОВА из города Каменска-Шахтинска Ростовской области – бывшего работника московского «Метростроя», на-

правленного в Куйбышев на строительство спецобъекта №1. Индиряков утверждает, что не раз встречался с Николаем Никитовичем и периодически вёл с ним длительную переписку. В одном из писем Николай Иванов сообщил ему о том, что видел в бункере самого Сталина, который лично приезжал в Самару инспектировать строительство объекта.

Выяснилось, что Иванов вёл дневник, куда заносил не только личные впечатления, но и тексты документов, с которыми работал. Иванов тогда состоял при главном инженере проекта Юлиане ОСТРОВСКОМ и записывал все указания вождя.

Третья возможная причина посещения Сталиным Самары. Мы не должны забывать, что Сталин в

хотя и первого в стране, нежели визита вереницы членов правительства, прибывающих к Сталину на военных самолётах из Самары в Москву.

Снова возвращаясь к рассказу пенсионерки Ольги Васильевны Слесаревой, хочу заметить: многие из тех, кому Алексей Богачёв рассказывал эту историю, сразу же делали один из поспешных выводов: а что если в Самаре был двойник Сталина? Но, по моему мнению, простая логика говорит об обратном. Какой смысл было органам НКВД содержать двойника в полной безопасности в Самаре, когда сам вождь в это время находится в столице, можно сказать, на переднем командном рубеже? Да и кто бы мог позволить бесправ-

Бункер Сталина. Экспозиция музея и кабинет

Очевидно, что если Сталина и собирались эвакуировать из Москвы, то именно в Самару, где для него полным ходом строился секретный командный пункт и всё было подготовлено к его приезду.

период войны был не только главнокомандующим, — он оставался руководителем государства, который продолжал контролировать работу советского правительства. А правительство, как известно, в эти годы находилось в запасной столице, куда одновременно были вывезены посольства и миссии иностранных государств.

Вполне можно предположить, что у Сталина периодически возникала необходимость в личном контакте с различными членами правительства и личном контроле за их работой по обеспечению тыловой жизни страны и обеспечению воюющей армии. Возможно, иногда некие комплексы вопросов легче было решить в ходе короткого визита в Самару одного человека,

ному двойнику во время стрижки хоть на секунду открыть рот — разговаривать с простой молоденькой парикмахершей?

Завершая размышления, я хотел бы привести аналогично, касающуюся вышеупомянутого секретного объекта — бункера Сталина. Мог ли до 1990 года хоть кто-нибудь представить, что в самом центре Самары под землёй находится такой исключительный по всем своим характеристикам исторический объект, как бункер Сталина? Никто! Но наступил 1990 год, и вся Россия узнала об этом уникальном объекте. Кто знает, может быть пройдёт время — и в один прекрасный день мы станем обладателями неопровержимых свидетельств и фактов о том, что Сталин в Самаре всё-таки был! Не исключено, что когда-нибудь нам об этом поведают и российские исторические архивы, которые до сих пор, по оценкам разных специалистов, ещё на 80-90% засекречены.

Статьи А. Богачёва и Л. Острецова публикуются в авторском сокращении на основе одноимённых публикаций в научно-методическом журнале «Вояджер: мир и человек» №2/2012 г. Самара, СамГТУ.

И это всё О НЁМ

Существуют люди известные, малоизвестные, а есть просто легендарные. Одна из легенд самарской журналистики — Эдуард Михайлович КОНДРАТОВ.

Однажды он сказал о себе: «Я женат на журналистике и влюблён в литературу». Но брак с журналистикой был тоже по любви, более того — это была первая любовь, которая, как известно, на всю жизнь. Я встретил КОНДРАТОВА в «Волжском комсомольце» в самом начале 69-го. Он был замредактора, а редактором — Владимир Дмитриевич ЗОЛОТАВКИН, которого все звали Володей. Впрочем, тогда всех звали по именам: Володя СОКОЛЬНИКОВ, Равиль БИКТАГИРОВ, Саша БАШКАТОВ, Ира СТОЛЯРОВА, Гена ГУЛИН, Марлен КРЮКОВ... Почти сразу пришли Женя ЖОГОЛЕВ, Юра ХМЕЛЬНИЦКИЙ, Володя ШИКУНОВ, Владик КНЯЗЕВ, Лиля ШАФИГУЛЛИНА, Вера КАШЕЛЕВА... Звёздный состав, такого не было больше ни в одной газете. Половина из них стала потом собкорами центральных газет, половина — редакторами и замами лучших самарских изданий, лауреатами журналистских премий. Идеальным стержнем всей этой компании был умнейший и интеллигентнейший ЗОЛОТАВКИН, а душой и центром её — КОНДРАТОВ.

Мы ездили на Волгу, играли в футбол, настольный теннис и шахматы (у Эдика был, кажется, первый разряд по всем этим видам), пели под его гитару «Товарищ Сталин, вы большой учёный», «Последний троллейбус». За редакционным самоваром, в котором дожидалось своего часа красное венгерское вино, сидели Булат ОКУДЖАВА, Николай ЗАСУХИН, Вениамин СМЕХОВ...

Это была странная редакция: смеялись и соряли, мы делали газету, за которую нас вызывали на ковёр в обком партии, что-то закрывали, кого-то сурово и отечески «поправляли». Мы не были оппозицией, мы просто делали честную газету. Хотя по тем временам это было, наверное, одно и то же.

Но всё проходит, и к концу 60-х мы стали рассыпаться кто куда. В 1970-м КОНДРАТОВ стал собкором «Известий» и проработал там ровно 25 лет — сначала в Туркмении, потом в Самаре, потом в Молдавии и снова в Самаре.

Это были трудные годы для всех, вскормлённых шестидесятью. Надо было не только не выпасть из нового времени, но и сохранить в себе старое. КОНДРАТОВУ это удалось: он быстро стал одним из лучших журналистов «Известий», его охотно печатали и с интересом читали. А когда его «бросили» в Молдавию и там начались так называемые приднестровские события, а по сути дела война, он писал в «Известия» по материалу в день. 41 номер подряд — наверное, это был абсолютный собкоровский рекорд.

К тому времени журналист в нём уже прочно уживался с писателем. Его литературный дебют состоялся в Самаре в 1965 году. И оказался огушительным: приключенческая повесть «По багровой тропе в Эльдorado», дважды выпущенная 100-тысячным тиражом, а потом и за границей, стала бестселлером.

Почти сразу последовал многосерийный фильм «Тревожные ночи в Самаре», сценарий которого он написал вместе с Володей СОКОЛЬНИКОВЫМ, — один из первых сериалов на советском телевидении.

Жизнь КОНДРАТОВА — это неостановимый бег на длинную дистанцию. Опытные спортсмены заранее распределяют на ней свои силы, но он бежит в максимальном темпе, выкладываясь до конца.

Это бег сквозь время. Это его марафон. Беги, Эдик! А когда будет совсем тяжело, мы покричим тебе с наших поредевших трибун.

Геннадий Шабанов

Начинал он свой творческий путь, как и положено, в «Волжском комсомольце», потом «Коммуна», затем собкор «Известий» по Куйбышевской области, Молдавии, Средней Азии. Параллельно писал книги: «Тревожные ночи в Самаре», «По багровой тропе в Эльдorado» и другие. Журналиста и писателя Эдуарда КОНДРАТОВА в Самаре не знают, может, только слепоглухонемые или вовсе не умеющие читать... Многие считают его почти классиком, правда, есть один казус: когда начинаешь говорить о КОНДРАТОВЕ, о его книгах, почти всегда задают вопрос: «Этот тот самый, что написал эту книгу? А что, он ещё живой?». И тихо радуемся — конечно, живой. Очень живой, весёлый, бравадный, заводной. Девушки влюбляются в него после пяти минут общения с ним. И есть за что.

От прадеда, донского атамана, ему достались казачьи усы, от погибшего на войне отца, боевого офицера, — равнодушные к женщинам и некоторая склонность к авантюризму. И только ангел-хранитель, который, считает Эдуард Михайлович, у него есть, его оберегает.

А вообще — то он немного фаталист, потому что уверен: в жизни нужно делать только то, что считаешь нужным, а остальное пусть будет как будет.

Сергей Курт-Аджиев